

Ада Сенсум

РЕБЁНОК

в неполной семье

Кто виноват и что делать?

Ада Сенсум

Ребёнок в неполной семье

<https://litres.ru/74569128>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сегодня от 20 до 30% детей живут с одним родителем, а для молодых

женщин это почти закономерность: каждая третья к тридцати годам

оказывается одна с ребёнком. Автор рассматривает разные типы

неполных семей и анализирует, как отсутствие одного взрослого

влияет на эмоциональное развитие, самооценку и жизненные стратегии ребёнка. Книга показывает, что неполная семья — не

исключение, а новая социальная норма. При этом честно описываются

трудности, с которыми сталкиваются такие семьи, и ресурсы, которые

помогают детям расти устойчивыми.

Содержание

Зачем эта книга	4
Исторический экскурс	7
Неполные семьи в мире: как это выглядит сегодня	12
Почему семьи становятся неполными	18
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Ада Сенсум

Ребёнок в неполной семье

Зачем эта книга

Иногда судьба семьи меняется не по плану. Один взрослый вдруг уходит, исчезает, растворяется в обстоятельствах или в собственных слабостях. И теперь тот, кто остаётся, несёт на себе всё, что раньше делилось на двоих. А ребёнок оказывается в центре этой новой реальности, которую он не выбирал, но в которой ему предстоит расти, учиться, чувствовать, ошибаться и становиться собой.

Очень многие хотя бы часть жизни провели в **неполной семье**. Как, например, я. Или вы. Ведь зачем-то вы взяли в руки эту книгу? Или, может быть, вы тот одинокий родитель, который оказался один на один со своими проблемами...

О неполных семьях говорят много, но чаще всего — поверхностно. В статистике они выглядят как цифры. В разговорах — как социальная проблема. В стереотипах — как «неполноценность». Но за каждой такой семьёй стоит живая история: сложная, противоречивая, иногда болезненная, иногда удивительно светлая. И, может быть, уникальная.

Мне важно сказать это прямо: неполная семья — не приговор. Это форма жизни, в которой есть свои трудности, но

и свои ресурсы. Если вам кажется, что ваша ситуация — самая тяжёлая, то почитайте раздел *«Личные истории»*. Часто люди преодолевают создавшиеся трудности, но иногда это — сломанная жизнь. Может быть, чужой опыт уберёжёт вас от дальнейших ошибок и покажет путь к победе.

Многие люди этот путь прошли, и это подтверждает глава *«Знаменитости из неполных семей»*. Учёные, артисты и даже президенты — возможно, их жизнь была потруднее вашей, но они достигли успеха.

И, как ни странно, вы можете осознанно создать неполную семью — счастливую семью. Например, родить ребёнка «для себя» или стать родителем/опекуном ребёнку из государственного учреждения. Об этом читайте в главе *«Шанс для одиночек»*.

В этой книге я хочу говорить честно. Без украшательств, но и без драматизации. Я не буду изображать неполную семью как трагедию — потому что это не так. Но и не буду делать вид, что всё легко — потому что это тоже неправда.

Я буду говорить о том, что чувствует ребёнок, когда один из родителей исчезает из его повседневной жизни. О том, как взрослые могут помочь — и как иногда, сами того не желая, мешают. О том, как ребёнок, став взрослым, несёт в себе эти ранние сценарии — и как он может их переписать.

Если вы — родитель, который воспитывает ребёнка один, я надеюсь, эта книга даст вам опору и понимание.

Если вы — человек, который вырос в неполной семье, возможно, вы узнаете в этих страницах себя и увидите, что ва-

ши чувства имеют имя.

Если вы — просто читатель, которому важны человеческие истории, я надеюсь, эта книга поможет вам лучше понимать других.

Исторический экскурс

Когда мы оглядываемся назад, в самую глубину человеческой истории, становится ясно: семья — не данность, не вечная форма, а изобретение, которое человечество создаёт заново в каждой эпохе.

И неполная семья — тоже не ошибка, не отклонение, а одна из древнейших форм человеческого выживания.

Когда семьи ещё не было

При первобытно-общинном строе не существовало семьи в современном смысле — с браком, наследованием, отдельным домом и юридическими правами. Были **родовые группы**, где дети принадлежали не матери или отцу, а всему роду. Ребёнок был «общим», а забота о нём распределялась между многими взрослыми.

И до сих пор в некоторых уголках мира — у отдельных племён Амазонии, Новой Гвинеи, Восточной Африки — сохраняются следы этого строя. Там ребёнок — это не «сын такого-то» и не «дочь такой-то», а часть сообщества. И понятия «полная» или «неполная» семья просто не существует.

Но даже тогда была одна устойчивая форма: **женщина с ребёнком**. Самая древняя, самая базовая, самая устойчивая

ячейка человеческой жизни.

Полусироты: когда неполная семья была судьбой, а не выбором

Тысячелетиями неполная семья возникала почти всегда по одной причине — **смерти отца**. Войны, болезни, несчастные случаи, тяжёлый труд — мужчины уходили первыми.

Но женщина с ребёнком не оставалась одна. В традиционных обществах её «подхватывал» род:

род отца — дядя, свёкор, братья;

род матери — родители, братья, дяди;

иногда её выдавали замуж повторно, и ребёнок входил в новую семью.

В русской деревне община помогала вдове пахать поле, заготавливать дрова, иногда освобождала от части повинностей.

В Европе существовали церковные фонды помощи вдовам.

В Азии — большие расширенные семьи, где ребёнок растворялся в коллективе.

Неполная семья была не социальной проблемой, а **частью жизни**, которую принимали как неизбежность.

Разводы: когда неполная семья стала выбором

С появлением городов, индустриализации, женского образования и прав человека возникло новое явление — **развод**. И вместе с ним — новая волна неполных семей.

В традиционных культурах развод был редким, дорогим, позорным. Но в XIX–XX веках он стал возможным, а затем — распространённым.

Общество долго сопротивлялось:

разведённая женщина считалась «падшей»;

ребёнок — «из неблагополучной семьи»;

материальная защита была слабой или отсутствовала.

Но именно развод сделал неполную семью **видимой**. Она перестала быть только следствием смерти — стала следствием выбора, конфликта, несчастливого брака.

Сексуальная революция: когда дети стали рождаться вне брака

Вторая половина XX века принесла ещё один поворот: **дети, рождённые вне брака**, перестали быть редкостью.

Контрацепция, сексуальная свобода, ослабление религиозного контроля — всё это разрушило старую формулу «сначала брак — потом ребёнок».

В Европе и части Латинской Америки внебрачные дети получили:

- равные права на наследство;
- отсутствие отметок в документах;
- социальную защиту.

Но в мире до сих пор есть страны, где мать-одиночка и её ребёнок стигматизируются:

- часть Ближнего Востока;
- Южная Азия;
- некоторые регионы Африки;
- консервативные районы Латинской Америки.

Там внебрачное рождение до сих пор воспринимается как позор, а ребёнок может иметь ограниченные права.

Войны и революции: фабрика неполных семей

Ни одно событие не увеличивает число неполных семей так стремительно, как война.

Войны — это не только миллионы вдов и сирот в результате убитых на войне мужчин. Это ещё и недостаток мужского населения на годы вперёд, что порождает большое количество «незаконнорождённых» детей.

Например, Великая Октябрьская революция — это не только смена общественного строя, но и большая социальная революция: женщины получили права и свободы. Они могли сами решать — рожать ребёнка в браке или в свобод-

ных отношениях.

Репрессии 1930-х в России — неполные семьи, созданные не смертью, а государством.

Становящееся всё более заметным явление последних десятилетий — международные браки, где один родитель (чаще всего мать) лишается ребёнка по воле государства.

После войны государства были вынуждены создавать:
пенсии по потере кормильца;
детские дома;
систему опеки и усыновления.

Неполная семья стала не исключением, а массовым явлением.

История неполной семьи — это история человечества. Она начинается с женщины, которая держит ребёнка на руках у костра, проходит через войны, революции, стигмы и свободы, и приходит в наш век, где неполная семья — одна из форм жизни.

Неполные семьи в мире: как это выглядит сегодня

Иногда кажется, что неполная семья — это исключение. Что это что-то редкое, почти случайное. Но стоит прислушаться к цифрам — и становится ясно: это огромный пласт человеческой жизни.

Цифры не умеют рассказывать истории. Они не знают, как ребёнок ждёт родителя, который обещал прийти. Они не знают, как мама засыпает, думая, хватит ли сил на завтра. Они не знают, как подросток учится объяснять, почему его семья «не такая». Но цифры умеют показывать масштаб. А иногда — и правду, которую мы не всегда готовы увидеть.

Сегодня в мире **миллионы детей растут с одним родителем**. И это не исключение — это одна из норм современной жизни.

США, Европа и Россия

В **США**, например, путь к этому был долгим. В 1960-е годы лишь около десяти процентов детей жили только с одним родителем. Тогда это действительно казалось чем-то необычным. Но десятилетия меняли общество, и к 1990-м годам таких детей стало ***уже четверть***. Сегодня — пример-

но столько же. Каждый четвёртый ребёнок. Каждый четвёртый маленький человек, который растёт в семье, где один взрослый несёт на себе всё.

В Европе картина другая — более пёстрая, как сама Европа. В среднем около 15–20% детей живут с одним родителем. Но за этим средним скрываются огромные различия. В Швеции — почти треть семей с детьми неполные. В Дании — тоже много. В Эстонии и Латвии — около четверти. А где-то, как в Хорватии или Румынии, таких семей всего несколько процентов.

Европа — как калейдоскоп: одни страны давно привыкли к разнообразию семейных форм, другие всё ещё держатся за традиционные модели.

Россия — отдельная история. Здесь статистика чаще говорит о семьях, а не о детях, и потому цифры звучат иначе. Но если вслушаться, картина становится понятной: примерно четверть российских семей с детьми — неполные. Иногда больше, иногда меньше, в зависимости от года. И почти всегда это мама и ребёнок.

Но есть один показатель, который особенно важен — и о котором редко говорят. Это не то, сколько детей сейчас живут в неполной семье, а то, сколько детей хотя бы какое-то время переживали такой опыт. И вот здесь цифры становятся ещё более откровенными.

В США исследования показывают: не четверть, а **до половины детей** хотя бы часть детства проводят в неполной

семье. Не потому, что кто-то виноват, а потому что жизнь меняется, отношения меняются, люди расходятся, кто-то уходит, кто-то появляется. И ребёнок проходит через это вместе со взрослыми.

В Европе и России таких данных меньше, но тенденция похожа: детей, которые хотя бы однажды переживают опыт неполной семьи, всегда больше, чем тех, кто живёт в ней постоянно.

Когда мы смотрим на карту мира, кажется, что неполные семьи — это единое явление. Но стоит приблизиться, и становится видно: **каждый регион живёт по своим правилам**, и причины, по которым дети растут с одним родителем, очень разные.

Посмотрим ещё на другие страны, о которых мы знаем мало.

Латинская Америка: неполные семьи как часть культурного ландшафта

В Латинской Америке неполные семьи — не редкость и не стигма. Сегодня примерно 10–15% детей живут с одним родителем (в Мексике — около 11–13%).

Но важно понимать: здесь исторически существовали **неформальные союзы**, когда люди жили вместе, но не регистрировали брак. Католическая церковь долго сдерживала разводы, но неформальные отношения — нет.

Поэтому неполные семьи здесь — это не всегда про развод или конфликт. Часто это просто **традиционная модель**, где мать — центр семьи, а вокруг неё — огромный круг родственников, которые помогают растить детей. Именно поэтому за последние 50 лет цифры выросли, но не взлетели резко, как в США.

Азия: самые низкие показатели в мире

Азия — абсолютный рекордсмен по «полноте» семей. Сегодня здесь самые низкие показатели неполных семей:

Китай — около 3%;

Индия — 4–5%;

Япония и Южная Корея — 2–3%.

Почему так? Потому что в Азии до сих пор очень сильны культурные табу на развод, давление семьи, стигматизация внебрачных детей, юридические барьеры.

Но мир меняется. В огромных мегаполисах — Токио, Сеуле, Шанхае — молодёжь живёт иначе. Разводы растут, женщины становятся финансово независимее, и число неполных семей медленно, но уверенно увеличивается.

В Китае их уже **более 9 миллионов** — и это только начало большого сдвига.

Ближний Восток: самая стабильная модель семьи

В большинстве стран Ближнего Востока неполных семей почти нет — 1–3%. И это не случайность, а результат религиозных норм, строгих законов, жёсткого контроля за браком, табу на рождение детей вне брака.

Исключение — Израиль, где показатель выше (6–8%), потому что там действует светское семейное право.

Но важно понимать: даже если брак распадается, дети в этих странах часто переходят в семью отца или живут в больших многопоколенных домах. То есть формально семья остаётся «полной», даже если родители больше не вместе.

Африка: неполные семьи как следствие не разводов, а жизни

Африка — самый неоднородный регион.

В странах к югу от Сахары (ЮАР, Кения, Ангола) доля женщин, которые ведут хозяйство в одиночку, — одна из самых высоких в мире: около 9–12%.

Но причины здесь другие:
высокая смертность мужчин;
эпидемии;

военные конфликты;
трудова́я миграция (мужчины уезжают на годы);
полигиния (когда у мужчины несколько жён, каждая живёт отдельно).

То есть женщина может быть формально «замужем», но фактически растить детей одна. И урбанизация последних десятилетий только усилила этот тренд.

В Северной Африке — совсем другая картина: там показатели минимальны (2–4%), ближе к Ближнему Востоку.

Когда смотришь на эти цифры, понимаешь: это не редкость, не исключение, не отклонение от нормы. Это — часть человеческой реальности. Огромная, живая, сложная.

Почему семьи становятся неполными

Неполная семья никогда не возникает «сама по себе». За каждым таким домом стоит история — иногда тихая, иногда драматичная, иногда очень простая, но всегда человеческая. И хотя статистика помогает увидеть масштаб, причины всегда живут в судьбах конкретных людей.

Каждый регион имеет свою собственную историю, свои традиции и свои «механизмы» появления неполных семей. Где-то это следствие культурных норм, где-то — экономических реалий, а где-то — трагических обстоятельств.

Сегодня в мире существует несколько основных путей, по которым семья становится неполной. Они разные по природе, по эмоциональному следу, по последствиям для ребёнка. Но все они — часть современной реальности.

Развод (расставание) родителей или смерть одного из них занимают наибольшую долю в статистике. Однако мне захотелось подробнее остановиться на других — более редких, но очень тревожных тенденциях появления неполных семей.

Развод, расставание и смерть

Развод: когда общий путь расходится

Расторжение брака — самая распространённая причина неполных семей почти во всех странах мира.

Это не просто юридический факт. Это момент, когда два взрослых признают: вместе идти дальше невозможно.

Иногда это признание приходит тихо, почти незаметно. Люди садятся за стол, говорят друг другу честные слова, благодарят за прожитые годы и расходятся, сохранив уважение.

Иногда — наоборот. Развод становится кульминацией долгих конфликтов, усталости, обид, накопленных за годы. Это может быть громкое, болезненное событие, которое оставляет след на всех участниках — и особенно на ребёнке.

Но каким бы ни был сценарий, для ребёнка развод почти всегда означает одно: **его привычный мир меняется**. Меняется дом, ритм жизни, эмоциональная атмосфера, иногда — финансовая реальность. Меняется то, что раньше казалось неизменным: мама и папа рядом.

Важно сказать честно: развод — это не обязательно катастрофа. Иногда это единственный способ сохранить уважение, психическое здоровье, безопасность. Иногда это шаг к новой, более зрелой жизни. Иногда — к лучшему будущему для ребёнка.

Но в любом случае развод — это **поворот**, который меняет структуру семьи. Он превращает привычную «двойную опору» в одиночное родительство или в систему двух отдельных домов. Он требует от взрослого человека — чаще всего от женщины — новой силы, новых решений, новой ответ-

ственности.

Статистика:

В США **около 50% одиноких матерей** — разведённые или разошедшиеся женщины.

В Европе разводы и расставания дают **50–70% неполных семей**.

В России развод — **главная причина** неполных семей на протяжении десятилетий.

Развод — это не всегда трагедия. Но это всегда поворот, который меняет структуру семьи.

Смерть родителя: когда неполная семья возникает внезапно

Это довольно тяжёлая причина. Смерть родителя делает семью неполной не через выбор, не через конфликт, не через усталость — а через потерю. Это не решение, а удар. Не поворот, а обрыв.

В современном мире это встречается реже, чем разводы или расставания, но всё же остаётся значимой причиной — особенно в странах, где высокая смертность мужчин трудоспособного возраста. Там, где жизнь менее защищена, где болезни диагностируются поздно, где работа опасна, где социальные системы не успевают поддержать.

Смерть родителя — это всегда внезапное изменение структуры семьи. Даже если болезнь длилась долго, даже если взрослые готовились, даже если ребёнок видел, как мама или папа угасают — момент ухода всё равно приходит как

разрыв ткани мира.

Для ребёнка это не просто потеря человека. Это потеря опоры, привычного голоса, запаха, ритма дома. Это исчезновение половины вселенной.

И в отличие от развода, где второй родитель остаётся где-то рядом — пусть в другом доме, пусть в другом городе — смерть оставляет пустоту, которую невозможно заполнить. Она не даёт возможности на «совместную опеку», не оставляет шанса на «встречи по выходным», не позволяет надеяться на то, что однажды всё наладится.

Это неполная семья, возникшая не из-за несовместимости, а из-за того, что жизнь оказалась сильнее людей.

Статистика:

В Европе смерть родителя составляет **менее 10%** причин неполных семей.

В России этот показатель исторически был выше, но всё равно уступает разводам.

В странах с высокой смертностью мужчин трудоспособного возраста — России, Казахстане, некоторых регионах Восточной Европы, Латинской Америки и Африки — эта причина остаётся значимой.

Там, где мужчины чаще работают на тяжёлых, опасных производствах. Там, где уровень сердечно-сосудистых заболеваний выше. Там, где стресс, алкоголь, отсутствие профилактики и поздняя диагностика становятся частью мужской судьбы.

В таких странах смерть отца — одна из ключевых причин неполных семей. Она не доминирует над разводами, но формирует заметную долю семейных историй.

И всё же важно признать: для многих детей **неполная семья начинается именно с утраты**. И эта причина требует не меньше внимания, чем социальные или экономические факторы.

Для ребёнка это не просто изменение структуры семьи — это опыт утраты, который остаётся с ним надолго.

Расставание до брака: когда союз не успел стать устойчивым

Это одна из самых быстро растущих причин неполных семей в мире.

Иногда отношения родителей заканчиваются ещё до рождения ребёнка. Часто отец исчезает, узнав о беременности своей партнёрши. Иногда союз был хрупким с самого начала — и не выдержал первых испытаний.

И тогда неполная семья возникает не из-за разрушения, а **из-за несостоявшегося строительства**. Дом не рухнул — он просто не был построен.

Статистика:

В США **44% одиноких матерей** никогда не были замужем.

В Европе распад незарегистрированных союзов и внебрачные рождения дают **20–40%** неполных семей.

В России многие дети, рождённые вне брака, появляются

у пар, которые живут вместе, но не регистрируют отношения — поэтому статистика сложнее.

В мире, где брак перестал быть обязательным шагом, всё больше детей рождается в отношениях, которые ещё не успели стать устойчивыми. И если эти отношения распадаются, семья становится неполной — без развода, без суда, без громких слов.

Это не всегда история о безответственности. Иногда — о незрелости. Иногда — о несовпадении. Иногда — о том, что отношения просто не стали семьёй.

Что изменилось за последние 50 лет

Самое важное — не то, что стало больше разводов. Во многих странах уровень разводов давно стабилизировался. Главное изменение — другое: сегодня всё больше детей рождаются **вне устойчивого союза**, который сохраняется до их совершеннолетия.

Это и есть главный драйвер роста неполных семей в конце XX — начале XXI века.

В США это видно особенно ярко:

в 1960 году **82% одиноких матерей** были разведены или овдовели;

сегодня — **только 50%**.

Доля женщин, которые никогда не были замужем, выросла с **4% до 44%**.

Мир изменился. Семья изменилась. И неполная семья стала одной из норм современной жизни.

Насилие и невозможность выбора

Есть истории, о которых редко говорят вслух. Беременность после изнасилования — одна из них.

В некоторых странах женщина не может прервать беременность по религиозным или законодательным причинам. В других — не решается заявить о преступлении. В третьих — не получает поддержки.

Статистики почти нет — и это тоже часть проблемы. Но такие случаи существуют, и они создают семьи, в которых изначально нет второго родителя.

Это очень маленькая доля всех неполных семей, но за каждым таким случаем — огромная боль.

Изнасилования

Изнасилование создаёт наибольшую травму не только для матери, но и для ребёнка. Во-первых, ребёнок чувствует психологическое состояние травмированной матери. Во-вторых, негативное отношение матери к насильнику-мужчине зачастую переносится на ребёнка. В-третьих, социальное окружение относится к ребёнку более негативно, чем, например, к ребёнку-полусироте или ребёнку из разведённой семьи.

Поэтому важно посмотреть, как эта проблема выглядит в мире, что является её причинами.

Для большинства регионов мира нет непрерывной и сопо-

ставимой статистики по изнасилованиям за 50–70 лет. Причины:

определения изнасилования менялись (например, в Европе многие страны включили супружеское изнасилование лишь в конце XX века);

уровень заявлений в полицию сильно вырос;
многие страны вообще не публиковали данные до 1980–1990-х годов;

зарегистрированные преступления и реальное число преступлений отличаются в разы.

Поэтому можно говорить только о **зарегистрированных** случаях и отдельно о **оценках реального масштаба**.

США

По данным ФБР и Бюро статистики правосудия:

В 1970-х регистрировалось примерно 50–70 тыс. изнасилований в год.

Пик пришёлся на конец 1970-х – начало 1990-х.

Затем зарегистрированный уровень снижался.

В 2013 году ФБР расширило определение изнасилования, после чего статистика резко выросла без обязательного роста реальной преступности.

В последние годы регистрируется порядка 130–150 тыс. случаев в год.

Европа (ЕС)

Для ЕС есть надёжные сопоставимые данные примерно с 2010-х годов:

В 2014 году полиция зарегистрировала около 39 тыс. изнасилований.

В 2024 году — около 98 тыс.

Рост за десятилетие составил примерно 150%. При этом сам Евростат подчёркивает, что значительная часть роста объясняется изменением законодательства и большей готовностью жертв сообщать о преступлениях.

Россия

По данным МВД и Росстата:

В начале 1990-х регистрировалось около 13–15 тыс. изнасилований в год.

В 2000-х показатель постепенно снижался.

В последние годы официально фиксируется порядка 3–4 тыс. случаев ежегодно.

Однако многие исследователи считают уровень недоучёта очень высоким.

Азия

Азия слишком неоднородна для одной цифры. Например:

В Индии официально регистрируется более 30 тыс. изнасилований в год.

В Японии и Южной Корее показатели значительно ниже.

В ряде стран Ближнего Востока и Центральной Азии уровень регистрации крайне низок.

Для всей Азии единой достоверной годовой статистики нет.

Латинская Америка

По данным ООН и национальных ведомств:

Одни из самых высоких зарегистрированных уровней в мире.

Только в Бразилии ежегодно фиксируются десятки тысяч изнасилований.

Во многих странах региона показатели растут вследствие улучшения регистрации.

Африка

Картина очень неоднородна. Наиболее известен пример Южной Африки, где ежегодно регистрируются десятки тысяч случаев, а уровень на 100 тыс. населения относится к самым высоким в мире.

Ближний Восток

Официальные показатели обычно низкие, но специалисты считают, что это в значительной степени связано с недоучётом, социальным давлением и особенностями законодательства.

Сколько изнасилований заканчивается беременностью и рождением ребёнка?

Здесь данных намного меньше. Одно из наиболее цитируемых исследований в США показало:

вероятность беременности после изнасилования среди женщин репродуктивного возраста — около 5%;

авторы оценили примерно 32 тыс. беременностей в год, связанных с изнасилованием, в США.

Другие оценки дают похожий порядок величин: около 25

тыс. беременностей ежегодно при сотнях тысяч сексуальных нападений.

Но беременность ≠ рождение ребёнка

Исследования показывают, что исходы различаются:

часть беременностей заканчивается абортom;

часть — выкидышем;

часть — рождением ребёнка.

В классическом американском исследовании примерно половина беременностей после изнасилования завершилась абортom, а значительная доля — рождением ребёнка.

И хотя статистически это пока не выглядит угрожающе, тенденции настораживают: неконтролируемый поток мигрантов, псевдodemократические установки (особые условия для некоторых групп людей), которые не позволяют привлечь к ответу виновников, военные конфликты — всё это в недалёком будущем может изменить статистику.

Вот недавние примеры.

В Германии продолжают фиксироваться случаи сексуальных преступлений в общественных бассейнах. Так, во Франкфурте полиция расследует несколько инцидентов, включая дела о насилии над детьми и домогательствах к подросткам 14—17 лет. Еще один случай произошел в бассейне города Лаупхайм, где жертвой домогательств стала шестилетняя девочка, а подозреваемого задержали на месте. По данным полиции федеральной земли Северный Рейн — Вестфалия, за последние три года в бассейнах региона за-

регистрировано 830 преступлений сексуального характера. Правоохранители отмечают, что реальное число подобных случаев может быть выше, поскольку не все пострадавшие обращаются в полицию.

В Великобритании опубликован независимый доклад, посвященный проблеме организованной сексуальной эксплуатации несовершеннолетних. По оценкам авторов, за последние десятилетия жертвами подобных преступлений стали не менее 250 тысяч девушек, преимущественно из семей рабочего класса. В докладе говорится, что во многих случаях обращения пострадавших оставались без должного внимания со стороны полиции, социальных служб и местных властей. Также отмечается, что в отдельных расследованиях опасения вызвать обвинения в расизме могли влиять на действия чиновников при рассмотрении дел, связанных с происхождением подозреваемых. После публикации доклада британские власти объявили о пересмотре сотен старых дел и начале нового национального расследования.

Главный вывод из британских расследований заключается не столько в этническом составе преступников, сколько в том, что **тысячи детей годами не получали защиты** от институтов, которые обязаны были их защищать. Именно этот аспект признаётся практически всеми официальными расследованиями независимо от политических взглядов.

Влияние военных конфликтов на количество изнасилований

Один из самых устойчивых выводов исследований состоит не в том, что война немного увеличивает число изнасилований, а в том, что в некоторых конфликтах сексуальное насилие превращается в отдельный инструмент войны.

Что происходит во время войн

Обычно наблюдаются сразу несколько процессов.

Резко растёт сексуальное насилие со стороны вооружённых групп. Это могут быть изнасилования гражданского населения, сексуальное рабство, принудительные браки, сексуальные пытки пленных и т. д.

Растёт скрытая преступность. Даже если официальная статистика показывает небольшое число случаев, реальное количество обычно намного выше, потому что:

жертвы боятся сообщать;

полиция и суды могут не работать;

многие территории недоступны для расследования.

Увеличивается уязвимость населения. Перемещение беженцев, разрушение социальных связей, бедность и отсутствие защиты повышают риск сексуального насилия даже вне зоны непосредственных боевых действий.

Что говорят современные данные ООН

По данным ООН:

в 2024 году было подтверждено более 4600 случаев конфликтно-связанного сексуального насилия;

это на 25% больше, чем годом ранее;

в 2025 году число документированных случаев выросло

почти до 9800, то есть более чем вдвое относительно 2024 года.

Но сама ООН подчёркивает, что эти цифры отражают лишь «верхушку айсберга». Реальное число жертв значительно выше.

Влияет ли война на рождаемость от изнасилований?

Да, но оценить это ещё сложнее. Во время конфликтов увеличивается число беременностей вследствие сексуального насилия, одновременно ухудшается доступ к контрацепции и абортам, часть женщин рождает детей, зачатых в результате изнасилования, часть беременностей заканчивается абортом или выкидышем.

Например, после геноцида в Руанде и во время войны в Боснии были документированы тысячи таких случаев, однако точные цифры остаются предметом споров из-за неполного учёта.

Важный нюанс

Если говорить о мирном времени, то большинство изнасилований совершается знакомыми, родственниками или партнёрами жертвы.

Во время некоторых войн появляется дополнительный слой — организованное массовое сексуальное насилие со стороны вооружённых формирований, которое может быть частью стратегии запугивания населения, этнических чисток или контроля над территорией. Именно поэтому ООН рас-

смаатривает такие действия как возможные военные преступления и преступления против человечности.

Интересно также, что исследования показывают: сексуальное насилие не является неизбежным спутником войны. Некоторые армии и вооружённые группы почти не демонстрируют таких практик, тогда как другие используют их систематически. Поэтому решающим фактором часто оказывается не сам факт войны, а дисциплина, командование, идеология и уровень безнаказанности.

Запрет абортов в разных странах

Невозможность прервать нежелательную беременность приводит к появлению семей (в том числе, неполных) с **нежелательным ребёнком**. Именно поэтому мы приводим здесь данную информацию.

Полный запрет абортов (или запрет почти во всех случаях) сегодня встречается главным образом в некоторых странах Латинской Америки, Африки, Азии и Ближнего Востока.

США

После решения *Dobbs v. Jackson Women's Health Organization* ситуация зависит от штата. Полного запрета по всей стране нет. Однако в ряде штатов аборты запрещены или крайне ограничены после зачатия либо после очень ранних сроков. В тринадцати штатах аборты полностью запрещены. Сильные ограничения существуют ещё в 10-15 штатах. Около 20 штатов защищают доступ к абортам.

Однако даже в штатах с «запретом» есть исключения, которые различаются:

- угроза жизни женщины (почти везде есть);
- иногда — изнасилование/инцест (но не всегда);
- иногда — тяжёлые медицинские патологии плода.

Европа

Полный запрет абортов в Европе фактически отсутствует. Даже в странах с очень жёсткими ограничениями обычно сохраняются исключения:

- угроза жизни матери;
- тяжёлые медицинские показания;
- иногда изнасилование или инцест.

Наиболее строгие режимы сейчас имеют Мальта и частично Польша.

Формально аборты в Польше **не запрещены полностью**, но на практике Польша относится к странам с самыми жёсткими ограничениями в Европе.

Именно поэтому в стране были массовые протесты, а многие международные организации называют польское законодательство «почти полным запретом» (near-total ban).

При этом после смены правительства появились некоторые практические послабления и выросло число легально проведённых абортов, но фундаментальная либерализация закона пока не произошла из-за политических разногласий.

Россия

В России аборты легальны по желанию женщины на ран-

них сроках. Но за последние годы наблюдается тенденция к ужесточению доступа:

многие частные клиники перестали проводить аборты;

в ряде регионов власти оказывают давление на медицинские учреждения;

вводятся обязательные консультации и дополнительные административные барьеры;

некоторые регионы пытаются максимально сократить число учреждений, оказывающих такие услуги.

При этом федерального запрета нет, и законодательство России по-прежнему формально заметно либеральнее, чем, например, в Польше, Сальвадоре или на Филиппинах.

Латинская Америка

Именно здесь исторически были самые жёсткие запреты.

Полный или почти полный запрет долгое время действовал в Сальвадоре, Гондурасе, Никарагуа, Доминиканской Республике и Гаити.

За последние годы ряд стран региона либерализовал законодательство, поэтому ситуация быстро меняется.

Африка

Полный или почти полный запрет встречается в Сенегале и Мавритании. В некоторых других странах аборт разрешён с очень ограниченными исключениями.

Ближний Восток

Во многих странах региона аборты разрешены только при угрозе жизни женщины или по ограниченным медицинским

показаниям.

Очень жёсткие ограничения действуют в Ираке, Сирии, Египте и Ливии. Но даже там обычно существуют исключения для спасения жизни женщины.

Азия

Здесь наблюдается очень разная картина.

Жёсткие ограничения существуют на Филиппинах и в ряде государств Южной и Западной Азии.

В то же время в Китае, Японии, Индии и Южной Корее аборт в значительной степени легален.

Рождение ребёнка в результате изнасилования

Стоит отметить, что в странах, где:

высокий уровень сексуального насилия;

слабая работа полиции;

аборт запрещен или сильно ограничен,

доля беременностей, завершившихся рождением ребёнка после изнасилования, обычно выше, чем в странах с доступом к экстренной контрацепции и абортам.

Однако прямой мировой статистики «сколько детей родилось после изнасилования по странам» практически не существует — это одна из самых плохо изученных тем демографии и криминологии.

Если смотреть на тенденцию

С начала 2020-х годов можно наблюдать интересную картину:

значительная часть Западной Европы движется в сторону

расширения доступа к абортам;

часть штатов США — к ужесточению после решения суда по делу Dobbs;

Польша остаётся одной из самых ограничительных стран Европы;

Россия сохраняет легальность аборт, но создаёт всё больше практических препятствий для их получения.

Отобранные дети

В последние годы дети лишаются матери в международных браках. И государственная машина настолько сильна в поддержке отцов, что матери не только не могут вернуть ребёнка, но и теряют возможность с ним видеться. Поэтому хотелось бы остановиться на этой проблеме подробнее.

Как правило, речь идёт о женщинах из стран третьего мира или более бедных, которые выходят замуж за мужчину из развитой, сильной и богатой страны. Однако такие случаи встречаются и в Европе — между двумя европейскими странами. Побеждает сильная страна, гражданином которой является, как правило, мужчина. Дети остаются с ним или передаются в другие семьи этого государства.

Рассмотрим несколько реальных случаев.

Европа. Чехия - Норвегия

В 2011 году норвежская служба попечительства над детьми Barnevernet изъяла двоих сыновей (Дениса и Давида)

у чешской пары — Евы Михалаковой и её тогдашнего мужа. Поводом стали подозрения со стороны детского сада в возможном жестоком обращении или насилии.

Позже норвежская полиция провела расследование и **закрыла дело за отсутствием доказательств**, не предъявив родителям никаких обвинений. Тем не менее, детей матери так и не вернули. Их разделили и отдали в разные норвежские приёмные семьи. Матери разрешали видеться с ними лишь пару раз в год под строгим контролем. Позже её и вовсе лишили родительских прав, а младшего сына норвежские власти решили отдать на усыновление.

Дело вызвало огромный общественный резонанс в Чехии и привело к дипломатическому кризису между Прагой и Осло. Чешские политики встали на защиту своей гражданки.

Радикальные заявления: Президент Милош Земан публично сравнил действия норвежской социальной службы с практиками нацистской организации «Лебенсборн» и назвал это «обычным похищением детей гангстерами».

Дипломатический бойкот: В знак протеста президент Земан отказался пригласить посла Норвегии на официальный приём в Пражский Град по случаю главного государственного праздника Чехии. Он также предлагал отозвать чешского посла из Осло.

Письмо королю: Президент Чехии лично писал официальное письмо королю Норвегии Харальду V с просьбой вмешаться в ситуацию.

Попытка изменить законы: Президент Земан и МИД Чехии пытались инициировать специальный международный договор с Норвегией, чтобы вернуть детей с чешским гражданством на родину, но безуспешно.

К сожалению для матери, вернуть сыновей так и не удалось. Ева Михалакова прошла все возможные судебные инстанции в Норвегии, после чего подала жалобу в Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) в Страсбурге.

В 2022 году ЕСПЧ окончательно отклонил её жалобу, признав действия норвежских властей законными в рамках их юрисдикции. Мальчики выросли в Норвегии **в приёмных семьях**, фактически потеряв связь с родной матерью и чешским языком.

Россия - Европа

Дело Натальи Захаровой (Франция)

Одна из самых известных и трагичных историй на постсоветском пространстве. Российская актриса Наталья Захарова вышла замуж за французского гражданина Патрика Уари. После развода в 1997 году началась многолетняя судебная война за их трехлетнюю дочь Машу.

Французский суд не просто оставил ребенка отцу, но и обвинил мать в «удушающей материнской любви». Позже девочку вовсе забрали в приёмную семью, запретив матери контакты с ней.

Захарова годами штурмовала суды, к делу подключались **президенты России и Франции**. Актриса даже провела

время во французской тюрьме по обвинению в попытке поджога квартиры бывшего мужа. Дочь выросла во Франции, сменила имя и полностью прервала контакты с матерью.

Дело Риммы Салонен (Финляндия)

Громкий дипломатический скандал между Россией и Финляндией, вспыхнувший в 2008 году вокруг пятилетнего Антона Салонена, сына россиянки Риммы и финна Пааво Салонена.

После развода финский суд оставил право опеки отцу. Римма тайно вывезла сына в Россию. В ответ отец при поддержке финского дипломата (!) буквально выкрал ребенка, спрятал его в багажнике дипломатической машины и нелегально вывез обратно в Финляндию.

Финский суд приговорил Римму Салонен к условному сроку за похищение собственного сына и огромному штрафу. Ребенок **остался с отцом в Финляндии**, а матери разрешили лишь редкие свидания.

Дело Ари Морено / Натальи Касарес (Испания)

Типичный пример работы Гагской конвенции в странах ЕС, когда мать автоматически становится «похитительницей», если увозит ребенка на родину.

Гражданка России Наталья Касарес жила в Испании с мужем-испанцем. После развода суд определил **совместную опеку**, но запретил вывозить ребенка из страны. Наталья, спасаясь от домашнего насилия (как она утверждала), уехала с сыном Ари в Россию.

Испания объявила её в международный розыск через Интерпол. По возвращении в Европу или при давлении через международные суды такие дела почти всегда заканчиваются одинаково: **ребенка принудительно возвращают отцу** по месту его «постоянного проживания», а мать рискует получить тюремный срок.

Случаи в США: Матери из бедных стран против граждан США

В американских судах по семейным делам главным критерием является «best interests of the child» (наилучшие интересы ребенка). Судьи оценивают стабильность, доход, жилищные условия и легальный статус. В этой системе матери из развивающихся стран изначально находятся в уязвимом положении по нескольким причинам.

Фактор иммиграционного статуса

Если иностранка находится в США по зависимой визе (например, визе жены) или её статус не урегулирован, развод часто лишает её права легально оставаться в стране.

Ловушка системы: Суд США не может дать матери грин-карту, но может заявить: «У вас нет легального статуса, вас могут депортировать, у вас нет стабильной работы в США, поэтому ребенку (гражданину США) будет лучше остаться с отцом».

Если мать депортируют, она теряет физическую возможность воспитывать ребенка. Бывший муж-американец получает единоличную опеку, а материнские права женщины

фактически аннулируются, так как у неё нет средств годами летать на суды в США.

Финансовое неравенство

Американское правосудие — это дорогой процесс. Почасовая оплата хорошего адвоката по семейным делам в США может составлять сотни долларов. У американского отца из среднего класса почти всегда больше ресурсов на сильную команду юристов, чем у его жены, приехавшей, например, из стран Латинской Америки, Юго-Восточной Азии или Восточной Европы. Отцы используют это преимущество, чтобы затянуть процесс, финансово истощить бывшую супругу и выставить её «необеспеченной» и «неспособной создать условия для ребенка».

Прецедент «Привычного места жительства» (Дело Монаски, 2020 год)

Важнейший прецедент на уровне Верховного суда США (Monasky v. Taglieri) наглядно показывает, как международное право работает против матерей, пытающихся спастись от семейных неурядиц.

Гражданка США Мишель Монаски вышла замуж за итальянца и переехала к нему в Италию. После рождения ребенка отношения ухудшились, мать заявила о домашнем насилии и сбежала с двухмесячным младенцем обратно в США.

Отец подал иск на основании Гаагской конвенции. Дело дошло до Верховного суда США, который постановил: младенец должен быть принудительно возвращен в Италию,

так как Италия стала его «привычным местом жительства». Мать была вынуждена либо отдать ребенка отцу, либо вернуться в страну, где у неё нет поддержки, чтобы судиться на территории мужа.

Громкие примеры из других стран

Если посмотреть на другие страны, то конфликты между гражданами богатых государств Запада и матерями из других регионов также регулярны.

Дело Кристофера Саво (США / Япония)

Япония долгое время была известна как «чёрная дыра» для международных браков, так как местное право не признает совместную опеку после развода — ребенок почти всегда остается с гражданином Японии.

Гражданка Японии Норико после развода с американцем Кристофером Саво вопреки решению американского суда тайно увезла детей из США на родину. Кристофер прилетел в Японию и попытался забрать детей, когда они шли в школу. Его арестовала японская полиция за похищение.

Американский отец провел время в японской тюрьме, а дети остались в Японии с матерью. В обратную сторону (когда японские матери теряли детей в США из-за отсутствия статуса) ситуация зеркальна: американские суды не выпускают детей-граждан США за пределы страны, оставляя их отцам.

Конфликты «Франция против стран Магриба» (Марокко/Алжир)

В европейской практике очень часты конфликты между французскими отцами и матерями из стран Северной Африки.

Если развод происходит во Франции, суды часто оставляют детей отцам, мотивируя это тем, что в Марокко или Алжире у детей (особенно девочек) будет меньше прав, хуже образование или уровень медицинского обслуживания.

Матерям, потерявшим опеку, в случае депортации или окончания визы закрывают доступ к детям, так как французское государство жестко пресекает любые попытки вывезти ребенка во внеевропейские юрисдикции.

Законы и международные конвенции (например, знаменитая Гагская конвенция 1980 года) изначально писались с исключительно благими намерениями. Главная цель создателей заключалась в том, чтобы защитить права ребёнка и не допустить его превращения в «переходящий приз», который родители могут воровать друг у друга и возить через границы.

Однако на практике эти законы превратились в жёсткий бюрократический механизм по нескольким глубинным причинам.

Приоритет «Стабильности» над «Кровной связью»

В западной юриспруденции (особенно в США и Северной Европе) психология и право сошлись на том, что для ребёнка важнее всего стабильность его привычной среды.

Логика закона: Если ребёнок родился, ходит в сад, говорит на местном языке и имеет медицинскую страховку в условной Германии или США, то его перемещение в другую страну (пусть даже с родной матерью) суд рассматривает как травму и ухудшение условий.

Государство защищает не права матери или отца, а «права ребёнка на его привычную жизнь». В итоге мать, увозящая ребёнка на родину от семейных проблем, юридически автоматически становится «похитительницей», нарушившей эту стабильность.

Юридический формализм и «Буква закона»

Западная судебная система работает как алгоритм. Судья не имеет права руководствоваться чистыми эмоциями, жалостью или «материнским чутьём».

Есть чёткие маркеры: легальный статус, уровень дохода, наличие постоянного жилья, отсутствие психологических отчётов от соцслужб.

Если иностранка из-за развода теряет визу, не имеет работы и живёт в шелтере для беженцев, а отец-гражданин имеет дом, стабильный доход и адвоката, система чисто механически выдает решение: «У отца условия лучше». Суд не считает это наказанием матери — он считает это обеспечением блага для ребёнка.

Государственная монополия и недоверие к чужим системам

В таких странах, как Норвегия, Германия или Швеция,

существует глубокое убеждение, что их государственная система воспитания — лучшая в мире.

Местные социальные службы (как небезызвестная Barnevernet в Норвегии или Jugendamt в Германии) искренне считают, что если в семье есть конфликт, государство защищает ребёнка лучше, чем «нестабильный» родитель-иностранец.

Возникает юридический шовинизм: суды богатых стран часто подсознательно (или открыто) считают, что возвращение ребёнка в условную бедную страну Латинской Америки, Африки или Восточной Европы — это лишение его будущего, хорошего образования и медицины.

Политический суверенитет и защита своих граждан

Каждое государство в первую очередь защищает интересы своего налогоплательщика и гражданина (в большинстве случаев — отца). Отдать ребёнка, который является гражданином США или Франции, в другую юрисдикцию — это значит навсегда потерять контроль над его судьбой и налогами, которые он принесёт в будущем. Поэтому суды крайне неохотно выпускают детей-граждан за пределы своей страны.

В итоге система, созданная для борьбы с реальными похитителями и ради защиты детей, **превратилась в жёсткий каток**, который совершенно не учитывает тонкую психологическую связь между матерью и ребёнком, особенно если эта мать уязвима и не имеет больших денег на адвокатов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.